

О чем мечтают и что обличают писатели-магрибинцы XX–XXI вв. (эссе)

© Прожогина С.В.^а, 2024

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Резюме. В эссе сопоставляются те тенденции в литературном процессе стран Магриба (Алжира Марокко и Туниса), которые связаны с историей развития новой национальной словесности на французском языке, ставшим своеобразным оружием, «выхваченным» из рук врага-колонизатора.

Новые формы осмысления окружающей действительности – это и возможность формулирования идеалов лучшего мироустройства в постколониальное время вплоть до современности, и необходимость обличения социальных изъянов и пороков традиционных обществ, внедряемых в них ныне новых способов насилия над человеком. Эти формы – отличительная черта магрибинской франкоязычной литературы, не только выступающей против крайностей радикального ислама и вызовов глобализации, но и отражающей надежды на торжество Гармонии и Справедливости.

Ключевые слова: Магриб, идеалы колониальной и постколониальной эпох, современность, вызовы глобализации, утрата иллюзий, обличение социально-политической реальности, обличение этноконфессиональной реальности, формы насилия, неиссякающая надежда

Для цитирования: Прожогина С.В. О чем мечтают и что обличают писатели-магрибинцы XX–XXI вв. (эссе). *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 4. С. 64–70. DOI: 10.31857/S032150750030602-4

What Maghreb Writers of the XX and XXI Centuries Dream of and Denounce (Essay)

© Svetlana V. Prozhogina^а, 2024

^а Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8276-0289; svetlana.projogina@mail.ru

Abstract. The essay examines distinct patterns in the evolution and history of contemporary Maghreb Francophone literature (Algeria, Morocco, Tunisia), in which the employ of French language resulted to be a kind of weapon “seized” from the enemy colonizers.

Its new forms of understanding reality are both an opportunity to formulate ideals of a better world order for post-colonial and modern times and the need to expose the flaws of the traditional societies, flaws caused by the reception by these societies of new methods of violence over individuals. These are among the main distinctive features of the Maghreb Francophone literature, which not only opposes the extremism of radical Islam and the challenges of the globalization but also reflects hopes for the triumph of Harmony and Justice.

Keywords: Maghreb, ideals of colonial and post-colonial eras, modernity, globalization’s challenges, loss of illusions, exposure of socio-political reality, exposure of ethnic-confessional reality, forms of violence, everlasting hope

For citation: Prozhogina S.V. What Maghreb Writers of the XX and XXI Centuries Dream of and Denounce (Essay). *Asia and Africa today*. 2024. № 4. Pp. 64–70. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030602-4

ВВЕДЕНИЕ

Я получила творческий подарок в конце декабря 2023 г. от тунисского поэта Тахара Бекри¹ – стихотворение, названное им «Скрипка». Вот оно:

Если б скрипкой я был,
То смычку её бы сказал:
Трогай струны слегка,
Стары стали они. Изболелась душа
От всех пыток судьбы!

Эхо криков моих раздается в глубоком колодце скитаний.
Он бездомен и мрачен
И исполнен тоски и печали.

Лучше б ветер разнес их в четыре стороны света,
Полетел бы он в вольном полете, как Эхо!
Лучше б крылья его рассказали о море мечтаний.
Волны его восстают против бури страданий!

Если б скрипкой я был...
Я сказал бы её звучащему древу,
Что подобно оно колыханию пальмовых веток,
Свой покой навевающих сердцу...

Будь подобно заре, луч которой
Утром щеку мою согревает теплом и приветом!

Будь, как капля росы,
Что прохладой своей освещает
Все ожиданья рассвета!
И неважно, что мрачная Ночь
Покрывает все души страхом.
Разве может она не пробудить ото сна спящих?!

Если б скрипкой я был,
То ноты писал только те, что укрощают бури!
Только те, что корабли спасают в море!
А в грохоте пены волн порождают виденья,
Что в дали зовут, боли душ утоляют, ожоги, скитанья мучений...

Если б скрипкой я был...
То бы музыкантов молил,
Чтоб меня положить на свое плечо,
Словно нежности руку, но не ружье,
Когда бури настигнут,
И люди погибнут.

Если б скрипкой я был,
То дух у того поднимал,
Чье сердце тревогой объято
За мир, что расколом грохочет, раскатом!

¹ О творчестве этого известного поэта журнал «Азия и Африка сегодня» извещал своих читателей довольно часто. Тахар Бекри лауреат многих литературных премий, антология его стихов издана еще в 2004 г. в русском переводе (ИВ РАН), а о его творчестве XXI в. вплоть до наших дней написана целая глава в моей книге «Души прекрасные порывы» (М., 2022).

Я бы к чуду зывал за спасенье из ада,
Ко всем семи чудесам и по всему свету,
Чтобы судьбы народов решили, на всей планете!

Если б скрипкой я был,
То знаю, что я бы не позволил
Душам людским оглохнуть!
Я наводнил бы звуком и горы, и дали,
Лишь бы мир не молчал.
Зажег бы сердца Любовью!

О, скрипка моя!
Из какого ты сделана древа?
Из какого металла Вы, струны гнева?
Если в венах моих закипает кровь
Во все времена года,
Несмотря на хлад или жар непогоды?!

(Перевод с французского, с разрешения автора, мой)

Я подумала, что все нормальные люди мечтают в целом об одном и том же – чтоб было на нашей планете все мирно и жило бы человечество, выращивая свой общий Сад (образ Вольтера!), творя вокруг не насилие, не хаос, а созидая Гармонию.

Мечтать – не то чтобы легко, но не запретно и даже просто возможно – мысль человека всегда куда-то летит, к чему-то стремится, вспоминая и уроки Прошлого, замечая и признаки Настоящего и грезя о Будущем, в котором должно бы быть лучше или уж, во всяком случае, – не хуже...

ВРЕМЯ ПИТАТЬ НАДЕЖДЫ

Магрибинские писатели не исключение. А уж те, кто пишет на французском языке, доставшемся от колониальной истории, особенно ярко и даже порой яростно пишут о том, что их волнует, обличают и прошлое, и настоящее и страстно мечтают о будущем, о том, чтобы не творилось реально пережитое в колониальное и постколониальное время, о будущем, где никогда не воцарится мрак эпохи гражданской войны уже 1990-х гг., не случится нашествия исламского радикализма (как в Алжире). Или призывают вспомнить о славных традициях прошлого, герои которого умели сопротивляться Чужому, мечтали о Свободе и Равенстве, о Справедливости на земле, где остались и где хранятся следы разных цивилизаций, а значит, и сама возможность для человечества питаться соками и плодами их соприсутствия, разнообразия, а значит, и получать его плоды и победы, когда само Древо Жизни на нашей планете станет только пышнее... (подробнее см. [1]).

Тахар Бекри не одинок среди огромного количества писателей-магрибинцев, пишущих по-французски, живущих в Марокко, Алжире, Тунисе, в транснациональном пространстве (во Франции, Бельгии, Канаде, Швейцарии, США), которые питают надежду на преобразование своих (когда-то питаемых надеждой, особо в эпоху борьбы за независимость от колониализма) идеалов такого мироустройства.

Я могу только сослаться на раннюю арабоязычную поэзию алжирцев эпохи сопротивления колонизаторам (1954–1962), поэзию марокканцев начала 1950-х гг. (в которой постепенно стали угасать лучи солнца свободы в 1960–1980-е гг.), на прозу ранних алжирцев (1930–1940-х гг.) и ранних франкоязычных поэтов и прозаиков Туниса (1930–1950-е гг.), поскольку они носители множества этих идеалов, и о них мной написано немало². Однако не могу не отметить писателей-магрибинцев уже постколониальной эпохи, особенно их прозу, где запечатлены и былые надежды, и сегодняшние мечты об «идеальном мироустройстве» или хотя бы отдельные образы его, в которых и верность «чистым истокам», и охра-

² См. подр.: История национальных литератур стран Магриба (в 3 т.), М.: 1993, изд. «Наука», Главная редакция восточной литературы; Прожогина С.В. Магрибинский роман. М., 2007; Прожогина С.В. Души прекрасные порывы. М., 2022 и мн. др.

нение традиций из их собственного миробытия на земле, где нет Власти Чужого (не обязательно «пришельца, захватчика»), но и Своего, который превращает родную землю в «рай» только для туристов...³

Среди такого рода повествований немало утопий, но есть и антиутопии, фиксирующие реальность, которой не должно вообще существовать на земле (к примеру, торжество власти, радикальность, исламизм) [2].

ВРЕМЯ РАЗОБЛАЧАТЬ «БЕСПОРЯДОК ВЕЩЕЙ»

Здесь нельзя не заметить, что такие тенденции в литературном процессе фиксируются уже с конца XX и в начале XXI в. Это означает, что внутренний потенциал произведений, созданных писателями, скорее обличительный, т.е. написаны они как протест против, по выражению алжирца Р.Буджедра, «беспорядка вещей», возникающих проблем настоящего времени, отмеченных вызовами эпохи глобализации.

Ну, а о том, что франкоязычные писатели обличают, скажу, что это труднее, чем мечтать, ибо надо знать Правду, т.е. не только реальность происходящего, но истоки, причины, уроки истории, политических замыслов и помыслов, быть в курсе проблем настоящего и прошлого, конечно, уметь не только «диагностировать» реальность, но прогнозировать будущее, хотя бы в доступных художникам слова формах, метафорах, аллегориях, иносказаниях или просто средствами социально-критического реализма.

А это, прежде всего, связано с обличением разных форм насилия над человеком, личностью, обществом, конфессией и даже политической власти, реализации каких-то её достижений на неизбежной для всех дороге прогресса, Знания, постижения возможностей своего народа...

Различая многочисленные формы насилия, существующие в реальной действительности (порой куда более изощренные, чем в любой фантазии), писатели, особенно прозаики и драматурги стран изучаемого мной Магриба, на протяжении всей истории развития нового типа художественного сознания в *арабском мире* (в форме литературного франкоязычия) никогда не избегали манифестации и оценки этих явлений, связанных с различными этапами историко-политического, социального, социопсихологического и даже экономического контекста, в котором писали и пишут свои произведения многочисленные магрибинские литераторы.

В связи с этим нельзя не упомянуть о форме даже «научного насилия», которая отмечается среди арабистов, утверждающих по сей день, что, «кто не пишет по-арабски, тот не араб». (Можно продолжить этот абсурд, говоря, что, кто не пишет на африканских языках, тот не африканец, и далее везде – в Индии, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, Австралии и др. регионах использования европейских языков, где имеется литература, и обширная, именно на них).

Остановлюсь на примере только лишь (хотя располагаю и многими другими) литературного франкоязычия Магриба (Алжир, Марокко, Тунис).

Будучи самой прямой функцией такого историко-политического насилия, как колониальный захват Магриба (Алжира – раньше, 1832 г; Туниса и Марокко – позже, в конце XIX и начале XX в.), ставший прямым следствием «кровавой свадьбы двух миров» (выражение Асси Джеббар, алжирской писательницы), вылившейся в конечном счете в своеобразный диалог цивилизаций, где поначалу преобладал «монологизм» колониальной политики культурной ассимиляции автохтонов, а позднее – в процессе взаимодействия двух разных культурно-конфессиональных начал и их взаимопроникновения.

Сама колониальная культура французов в известной мере «преобразилась» в особые формы сознания своего *отличия* от метропольного взгляда «сверху» и преобладавших в нём тенденций экзотизации Северной Африки; а автохтонная культура обрела под «натиском» европейской черты «национально-го самосознания».

Диалог преобразился в особую форму «противостояния» и даже резкого отделения культуры (в т.ч. литературы) колонизованных от колонизаторов. Вплоть до насилия – «выхватывания винтовки из рук врага» (как сказал алжирец Катеб Ясин), когда именно усвоенный в школах колонизаторов француз-

³ Я имею в виду такие образцы творчества алжирца Ясмینی Хадра, как романы «Что должен ночи день» и «Что должен мираж оазису», и Мустафы Тлили, как романы «Гора льва» и «Полдень в пустыне». О них см. подр. в моих работах «Тунисская элегия», 2023, и мн. др.

ский язык (и вместе с ним насаждаемые знания об истории европейской цивилизации) стали в руках колонизованных мощным оружием отвоевания своей Свободы и надеждой на построение мира Справедливости и Равенства в своих странах. Борьба за Независимость против любой формы колониального присутствия и показ пробуждения национального самосознания стали опорными столпами в новой литературе магрибинцев уже с конца 40-х и начала 50-х гг. XX в.

Нельзя не отметить активную роль самих писателей-магрибинцев в процессах освобождения своих обществ «от пут прошлого», засилья старых традиций (тоже активно поддерживаемых колонизаторами в целях усугубления внутренних противоречий мусульманских обществ для более легкого политического управления ими). А в таких странах, как Алжир, в эпоху жестокой и беспощадной (с обеих сторон) войны за Независимость (1954–1962) – прямое участие многих на стороне восставшего народа. Рашид Буржедра, к примеру, ушел воевать в партизанский отряд, Ассия Джебар отсидела в колониальной тюрьме, где претерпела много издевательств. М.Диб был выслан из страны «за активную помощь повстанцам» и претерпел немало тягот скитаний на Чужбине, а некоторые сражались за свободу в подполье своим беспощадным пером (Жан Сенак, Башир Хадж Али и мн. др. писатели и особенно поэты – «опорные столпы Независимости Алжира») [3].

Отвоевание Свободы шло и на страницах книг, которые, как ни странно, печатались во Франции теми, кто поддерживал национально-освободительное движение (а таких тоже было немало в среде французской интеллигенции). Но главным, конечно, оставались цель и задачи «строительства нового мира» на страницах своих книг, а это означало, что писатели не только должны были призывать к нему, но главное – *показывать* изъяны и пороки того общества, которое предстояло *трансформировать*.

Творчество Л.Дебеш, А.Джебар, М.Маммери, М.Феруана, М.Диба, А.Мемми, Д.Шрайби, Т.Бенджеллуна, А.Серхана, М.Хайреддина, А.Катиби, Н.Фареса, Р.Мимуни, М.Моккедем, как и многих других алжирцев, марокканцев и тунисцев (а в последние десятилетия увеличивается отряд именно женских имен в литературе франкоязычных магрибинцев) на протяжении всей эволюции литературного франкоязычия (с 30-х гг. XX в. по сей день) отражало и отражает именно те формы существования окружающей реальности, где зреют не только «зерна Грядущего», но и зеленеют следы Прошлого, порой даже активно возрождаемого исламистскими радикалами в целях «удержания самобытности» старых традиций, обрекающих социальное развитие на застой.

Один из ярких примеров такого рода «насилия Прошлого» в недрах Настоящего – это сохранение и охранение власти отца-патриарха в семьях, придерживающихся законов шариата или догматов других религий, наличествующих в Магрибе, в целях *уменьшения* значимости социальной роли женщин и воспитания детей в покорности этой власти.

Одни писатели показывают итоги такого рода «насилия» и даже «насилия» (как, к примеру, марокканец Д.Шрайби или тунисец А.Мемми)⁴ в бунте и даже повстанчестве сыновей таких отцов, их противление и неприятие абсолютной Власти Отца, разрыв с семьей и даже с родной страной.

Другие – печальные итоги «претерпевания» такого рода насилия женщинами, которые либо полностью смиряются с Традицией и становятся её жертвами или отверженными в черед смены жен (мусульманин имеет право содержать и четырех), либо теряют рассудок от бессилья выразить свою волю, либо просто становятся бессловесной тенью своего мужа, обреченные носить тяжелые оковы Традиции (примеры – творчество Р.Буджедры, Р.Беларми и др.) (подробнее см. [4; 5]).

Третьи – итоги своеобразных попыток женщин вырваться из этих «оков» и «цепей» Прошлого и усовершенствовать свою жизнь в рамках традиционного брака (заклученного по воле родителей) или даже разрушить свою семью и вырваться на Свободу, несмотря на все угрозы и вызовы традиционно ориентированного мира (творчество женщин-писательниц магрибинок – алжирок А.Джебар и А.Дебеш, марокканок Джюры и Я.Шами, туниски Х.Джелилы и многих других).

Не менее интересен и такой парадоксальный эффект насилия, как власть Отца (или «мужчины» как такового), в форме его *полного отсутствия* в современной магрибинской семье, где весьма часто (и все чаще) именно мужчины (хотя и женщины не исключение) сами становятся жертвами вынужденной или добровольной эмиграции на Запад. Итог – своеобразное психологическое насилие над личностью

⁴ Об их творчестве на русском языке см. наши работы: Души прекрасные порывы. М. 2022; Свой путь. М. 2023; Диктат эпохи (в печати), М. 2024; Politique et Poétique. Alger, 1999.

ребенка, сына особенно, осознающего свое безотцовство как *неспособность* отца сохранить и охранить семью, где мать становится единственной опорой жизни своих детей, принося себя в жертву поденщице и непосильному труду для заработка средств существования, – запечатлен в книге молодого марокканца Тахира Хишама «Присоединение» (2015) [6].

Примеры оборотной стороны Власти Отца, как и прямого физического насилия над женщиной-африканкой в целом со стороны мужской родни (отца, его родного брата и дяди и даже представителей духовенства), использующего свою Власть, тоже запечатлены в этой книге Тахира Хишама, по-своему интерпретирующего очевидные вызовы сегодняшнего мира, когда современная работоторговля, к примеру, в виде хорошо организованного беженства африканцев на Запад происходит в виде переправки через страны Магриба (Марокко, Тунис преимущественно, а еще раньше и Ливия) «живого товара», становящегося рабочей силой в странах Европы.

Тахир Хишам рассказывает об этом на примере беженки из Буркина Фасо, где, как и в других африканских странах южнее Сахары, упорно ходят слухи о лучшей доле женщины в Европе, куда легко перебраться через Марокко, в котором якобы нетрудно заработать на место в лодке и уплыть из Танжера в Гибралтар, а оттуда – куда захочется...

Судьба такого рода женщин, «уговоренных молвой» (как и мужчин, и их тоже немало), однозначна. В долгой дороге они (уже привычно) подвергаются изнасилованию мужчинами-спутниками, а как дойдут в изнеможении до Марокко, становятся жертвами ставшего там уже обычным насилия, когда их размещают в портовых городах в особо рода борделях, где орудуют те самые «работоторговцы», заставляя копить деньги на место в утлой лодке (или на плоту), чаще всего погибающей в морской пучине... Ну а если «повезет», то на очередной границе их уже ждут такие же продавцы дешевой «рабочей силы»... Героине Т.Хишама не повезло. Как и герою со своим уже воображаемым отцом «по переписке». Отцом, который навсегда отчалил и от дома, и от родного берега...

Любопытно, что крупнейший марокканский писатель – Тахар Бенджеллун, лауреат Гонкуровской премии (присуждаемой только за литературное мастерство), недавно, в 2020 г., опубликовал свою очередную книгу, не представленную в Собрании его сочинений, чуть ранее изданном крупнейшим издательством Франции [7]. Известный повсюду писатель создавал свои произведения в основном о родном Марокко либо в надежде на его лучшее будущее, либо резко критикуя его настоящее.

Такие его романы, как «Это ослепляющее отсутствие света», написанный в XXI в., или созданные еще в 80-е – 90-е гг. XX в. (трилогия «Песчаное дитя», «Ночь Судьбы» и «Ночь ошибок») или в 90-е «Опустив глаза» и др., родили образы страны, где властвуют патриархальные традиции, опутавшие страну оковами религиозных догматов, допускающих насилие над женщиной. Как и абсолютная власть монарха в стране, уже добившейся независимости от колонизаторов, уже причастной к дороге прогресса, всё еще хранящей возможность взаимодействия разных цивилизаций, порой превращается в засилье мрака, опускающая ночь каторги, её «страшных темниц-подземелий» на всю страну, лишая её природой данного Света Солнца, сделавшего её одной из «самых красивых стран мира» [8]. А ведь именно так называется книга («*Le plus beau pays du monde*»), о которой я выше завела речь. И именно в этой книге уже в который раз именно портовые города родной страны – Касабланка и Танжер, уподобленные и ранее Неаполю, где, по выражению писателя, – «царство мафии» [9], становятся страшными образцами, отмеченными, как стигматами, признаками разложения духовной сущности всего человечества, всего родного народа, предназначенного Свету Солнца, вольному дыханию свежести моря, горных вершин и долин, граничащих с бездонной глубиной неба, его Божественной Вселенной... [10]

Как бы не ведая о том, что когда-то, еще в первые десятилетия XX в., была создана знаменитая трилогия о природной красоте Марокко, о его любви к традициям жизни, оберегающим его звуки, мелодии, гармонию, о гостеприимстве народа, его преданности заветам предков, верных своей земле, о старинных праздниках жизни с танцами, особыми ритмами, в которых «пульсирует Радость Бытия», и еще о многом другом рассказано в трех томах братьев Таро (1919–1930), также получивших Гонкуровскую премию, которые посвящены Рабату, Фесу и Марракешу – трем столицам страны, хранящим её природу, время, надежды⁵.

⁵ Имено в виду романы Д.Шрайби «Мать Весны», «Место под солнцем» и др.; D.Chraïbi «La mère du Printemps», 1982; «L'enquête au pays», 1991; Une place au Soleil, 1992.

Тахар Бенджеллун, наоборот, пишет портрет родной страны, где царит засилье «совокупности портовых городов», хотя упоминает и о Фесе, в котором видит теперь «источник и приют» другого сокровища современной буржуазии Ислама – отмыwanie доходов и охранение прибыли от современной работорговли...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мечтают теперь магрибинцы редко. Всё больше обличают Зло современного мира, причиняющее Боль человеку⁶, который, как полагает тунисец Тахар Бекри, создан как звучащее Древо, предназначенное только мелодии жизни и её надеждам...

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. См.: Прожогина С.В. Корни и крона (заметки на полях стихотворения Тахара Бекри). *Азия и Африка сегодня*. № 8. 2023. DOI: 10.31857/S032150750027144-0
Prozhogina S.V. 2023. Roots and Crown (Notes in the Margins of a Tahar Bekri's Poem). *Asia and Africa today*. № 8. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750027144-0
2. См.: M.Tlili. L'après-midi dans le Desert. 2008.
3. См.: B.Sansal. 2084, ou la fin du monde. 2015.
4. См.: D.Chraibi "Le passé simple", 1953.
5. A.Memmi "La statut de sel", 1954
6. Tahir Hicham, Djaabouk (Le joint). Rabat, 2015.
7. Tahar Benjelloun. Le plus beau pays du monde, 2020.
8. T.Benjelloun. L'enfant de sable, P. 1985; La nuit sacrée, 1987 (русс. перев. М., Наука, 1990); "La nuit d' erreur", 1997; T.Benjelloun "Les yeux baissés", 1991.
9. Tahar Benjelloun "Cette aveuglante l'absence de la lumière", 2001.
10. Tahar Benjelloun "L'auberge des pauvres", 2012.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, гл.н.с. Отдела сравнительной культурологии, ИВ РАН; член Союза писателей России; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Svetlana V. Prozhogina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Principal Researcher, Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступило в редакцию
(Received) 14.01.2024

Доработано после рецензирования
(Revised) 25.02.2024

Принято к публикации
(Accepted) 23.03.2024

⁶ Я имею в виду, конечно, в первую очередь книги Тахара Бенджеллуна, которые, в отличие от книг его предшественника – Дриса Шрайби, чей первый роман «Простое прошедшее» в Марокко был запрещен, – не запрещены. Несмотря на мощь обличения разного рода несправедливости и насилия, творящихся в родной стране, сегодняшний монарх Марокко Мохаммед VI не запрещает публиковать его творчество в родной писателю стране. Видимо, мировая слава писателя, издающегося на многих языках мира, способствует этому.